

А.П. Вырупаева

ОТ «СТАРОЙ» К «НОВОЙ»: ЖЕНЩИНЫ В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: Веймарская Германия, буржуазная мораль, хаусфрау, «новая женщина», мода, любовные романы, иллюстрированные журналы, сексуальная мораль.

Аннотация: Женская эмансипация 1920-х годов выступает противоречивым явлением. Условно говоря, в Германии под её воздействием сложилось два полярных образа. Первый имеет отношение к патриархальному типу идеальной домохозяйки и послушной супруги, второй, под общим названием «новая женщина», репрезентирует независимую модницу. Однако новизна последней вызывала серьёзные сомнения ряда современников, к которым сейчас примыкает всё больше исследователей.

1920-е годы вошли в историю как время перемен, особенно — для западных женщин, которые в первую четверть XX века получили равные права с мужчинами, и активно занялись профессиональной деятельностью. Именно их — деловых и модных — в Германии веймарских времён (1918–1933) стали называть «новыми женщинами».

Данное понятие резко контрастировало с буржуазной моралью ушедшего XIX века, отводившей «слабому полу» исключительно подчинённые роли. Согласно этой формуле, если говорить словами Бомарше, жена должна была «супругу угождать, в том вовсе нет стыда, и быть его рабой послуш-

ною всегда».¹ Феномен «новой» фрау отражал протест против подобных патриархальных взглядов: новый идеал зиждился на равноправии и экономической самостоятельности дам. Подобные представления, впервые озвученные в передовых кругах общества XIX века, воспринимались скорее как утопия, но Первая мировая и последующие за ней события всё изменили. Возникшая в Германии Веймарская республика предоставила женщинам избирательные права и гарантии равных возможностей в образовании и профессии. «Прекрасный пол» вырвался за пределы традиционной сферы своей деятельности «жена» и «мать». На исторической сцене появилась «новая», т.е. эмансипированная женщина, неотъемлемыми признаками которой стали короткие стрижки, практичная одежда и активная профессиональная деятельность вне дома.

Вчерашний и новый мир

Долгое время положение женщин в Веймарской республике изучалось западными исследователями в рамках истории женщин. В 1980–90-е годы с развитием гендерных подходов произошёл перелом: женский вопрос стал рассматриваться в контексте взаимоотношения полов. В отношении «новых» фрау это привело к оригинальному совмещению тем «женщина», «мужчина» и «культура». Наиболее удачно их связала вместе германская исследовательница Геза Кессемайер в книге «Спортивная, деловая, мужественная. Образ “новой фрау” в 1920-е годы»², где автор рассмотрела особенности «женского поведения в одежде», опираясь на гендерные подходы. Исследовательница пришла к выводу, что с

1 Цит. по: Виллар. 1957: 28.

2 Kessemeier. 2000.

новой модой на платья–рубашки и брюки в 1920-е годы женщины вторглись в мужской мир, преступив границы гендера, но более приталенные силуэты и цветочные узоры их одежд нивелировали эту вылазку, оставив положение вещей в целом традиционным³.

В настоящее время женская тематика активно встраивается и в такое модное направление как «новая политическая история». Последняя пытается преодолеть границы между *политическим* и *частным*, указывая, например, на феномен политизации тела: инвалиды войны как эмблема поражения, спортивное телосложение (обладателем которого выступали, в том числе, «новые женщины») как символ молодого и сильного государства⁴. Однако при всём разнообразии исследовательских подходов женская проблематика по-прежнему остаётся маргинальной. Так, западных авторов крупных обобщающих трудов по Веймару данная проблема не интересует. Исключением является лишь работа гамбургского профессора Урсулы Бюттнер «Веймар. Перегруженная демократия»⁵, где положению женщин в республике отводится небольшая глава. Отечественная германистика в данном направлении и вовсе предпринимает первые шаги.

Обобщая взгляды исследователей, можно сказать, что в настоящее время в литературе бытует мнение об условности женской эмансипации в Германии 1920-х годов. В общественно–политической сфере — через закреплённые в Конституции избирательное право и равный доступ к публич-

3 **Kessemeyer.** 2000: 236.

4 **Metzler, Schumann.** 2016: 24. Отметим, ярким примером подобного тела-текста может служить культ на мощные тоталитарные тела в сталинское время с его знаменитыми, как пишет Наталья Лебина, «Девушками с вёслами», «Рабочими и колхозницами». См.: **Лебина.** 2017.

5 **Büttner.** 2010.

ным должностям — дамы добились равноправия. Однако полного и подлинного равенства полов не установилось. Особенно ярко это проявилось в трудовой сфере, где занятым немкам за равную работу с мужчинами платили более низкую плату. Вычеты объяснялись традиционно: мужчина должен кормить семью, к тому же он сам не может варить, стирать и штопать. Ещё меньше изменилась семейно-брачная сфера. Продолжавший действовать в республике старый кайзеровский Гражданский кодекс предполагал, что жена должна следовать указаниям мужа. Это означало исключительное право супруга распоряжаться её финансами и возможностью поступления на работу⁶. Увольнения из-за внебрачных рождений, общественное порицание контрацепции и уголовная наказуемость абортотворения завершали противоречивую картину репродуктивным принуждением. Не случайно, глава о женщинах в упомянутой книге Бюттнер получила название: «Новые права и старая дискриминация»⁷.

Противоречивым оказался и сам феномен «новой фразы», которая была не такой прогрессивной как картинки из модных журналов, тиражировавших эталон эмансипации: активную, независимую — от финансов до принятия решений — модницу, любящую танцы и кино. В действительности «новые женщины» подтверждали только тезис о тяге к моде и новым развлечениям (джаз, кино). К тому же их поведение оставалось новаторским, как правило, недолго: до получения замужнего статуса.

Небезынтересно, что модные журналы, пропагандировавшие эмансипацию, зачастую сами были исполнены пат-

6 Согласно действующему законодательству, в Веймарской республике замужняя женщина не могла устроиться на работу без официального разрешения супруга.

7 Büttner. 2010: 253.

риархальными клише. Убедительное доказательство тому представлено Кессемайер, согласно выводам которой, в модных журналах женщин преимущественно изображали в типичных для них сферах: домашняя обстановка, лоно природы, танцевальный зал или свадебная церемония. Модниц редко фотографировали на фоне современного городского или индустриального пейзажей, а если снимали рядом с техникой, то помещали в традиционное поле: девушка с автомобилем на природе или с телефоном дома⁸. Ещё более убедительным свидетельством консервативности общества являлись подписи к фотографиям в печати. Современных дам на них обозначали исключительно с помощью дефиниций брака: незамужняя — фрейлейн, замужняя — фрау⁹; причём последняя всегда фигурировала через имя или должность мужа: фрау доктор, мадам директор, госпожа советница¹⁰. Таким образом, изображения транслировали новые тенденции, а содержание свидетельствовало о патриархальности взглядов. Согласно выводу Кессемайер, коренной ломки консервативных представлений о женской роли в Веймарской Германии не произошло. Однако, таковой ситуация выглядит с научных и политических позиций рубежа XX–XXI веков, или, по замечанию Бюттнер, с ретроспективной точки зрения. Для многих же современников «новая женщина», безусловно, была новацией и воспринималась в зависимости от взглядов как символ прогресса или декадентства.

8 **Kessemeier.** 2000: 161.

9 В Германии специальное обращение к незамужним женщинам — «фрейлейн» — просуществовало до 1945 года, затем было отменено. В настоящее время всех представительниц «прекрасного пола» в ФРГ вне зависимости от семейного статуса именуют «фрау».

10 **Kessemeier.** 2000: 73.

В этой связи актуально рассмотреть гендерную идентичность самих женщин, особенно провинциалок — тех, кто сильнее всего был подвержен социальному контролю, а потому больше других испытывал давление со стороны традиций и новаций. В данном исследовании этот вопрос рассматривается на основе художественной литературы, обнаружившей наиболее высокую плотность исследуемых проблем. Значение художественных текстов в рамках заданной темы не уступает традиционной источниковой базе, поскольку главным критерием отбора материалов являлся их статус как «следов опыта», пережитого в Веймаре.

В статье дамский вопрос рассматривается через произведения крупнейших женщин-авторов тех лет: Хедвиг Курц-Малер и Ирмгард Койн. Отметим, что первая остаётся признанным классиком немецкого развлекательного романа, вторая выступает представителем более критичной литературы. Обе были чрезвычайно популярны в Веймарской Германии, однако если книгам Курц-Малер удалось пережить все времена и режимы, то произведения Койн были забыты во время и после Второй мировой войны и оказались заново открыты только в последней трети XX века.

Женщины-подопечные

Летом 1928 года в провинциальной «Графингер Цайтунг» стартовала публикация очередного романа с продолжением. На сей раз читателям этой районной газеты в Верхней Баварии предложили не детектив, а любовную историю «Его подопечная». Роман был опубликован под авторством некой Розы Бернд. Этот псевдоним иногда использовала «королева любовного романа» 60-летняя Хедвиг Курц-Малер.

В начале повествования её герой — молодой учёный Берт Фальк — получает письмо. В нём некогда отказавшаяся выйти за него замуж столичная актриса сообщает о своей смертельной болезни и просит позаботиться о дочери-подростке. Письмо приходит уже после смерти отправительницы. В итоге её 15-летняя дочь Рета оказывается в доме героя: недавно купленном, но страшно заброшенном старинном замке.

Отметим, что в Германии 1923 года, только что пережившей опустошительную гиперинфляцию, было логично вложить свои капиталы в т.н. реальные ценности — от музыкальных инструментов до недвижимости. Поэтому главный герой, собравшийся в длительную экспедицию на Тибет, предусмотрительно приобретает замок с землёй. Аналогично он распоряжается и «маленьким наследством» взятой под опеку Реты, истратив его на покупку небольшого количества скота. После этих финансовых манипуляций персонажи не видится четыре года: Берт занимается научными изысканиями в Тибете, а Рета живёт в его поместье. За это время здесь происходят существенные перемены, и причиной их является *его подопечная*.

Главная героиня романа предстаёт первоклассной хозяйкой, воплощением мелкобуржуазного идеала женщины: Рета неустанно трудится, заботится о доме, печётся о хозяйстве. По её инициативе купленный героем полузаброшенный замок энергично ремонтируется и меблируется. Согласуясь с бюргерской умеренностью, обновление происходит без серьёзных затрат: всё необходимое чудесным образом обнаруживается в подвалах замка. Найденные там вещи буквально преображают старые чертоги. На стенах большой праздничной залы Рета вешает старинные картины, здесь же ставит рояль, на котором сама «прелестно» музицирует; в каби-

нете появляются великолепные стол и кресло — прежде изъеденное молью, а теперь отреставрированное. В замке утверждаются порядок и опрятность, уют и благопристойность. Когда вернувшийся из Тибета поражённый герой замечает, что управляющий, должно быть, «раскошелится», Рета скромно отвечает, что купили только «мелочи», а остальное нашли в подвале¹¹. Произведение настойчиво проводит мысль об экономности немецкой хаусфрау, которой для ремонта достаточно трудолюбия и фантазии. Кстати, об этом читательницам напоминал не только сюжет газетного романа, но и реклама, назойливо извещавшая в каждом номере, что домашние хозяйки покупают всё необходимое «только» по выгодным ценам.

Проведённый ремонт оказался не единственным хозяйственным упражнением Реты. Она помогала управляющему в поле, а также стала хозяйкой целого подворья — нескольких швейцарских коров, купленных на материнское наследство. Её «маленькая ферма» разрасталась, шла бойкая торговля молоком, в результате чего у Реты образовался «совершенно милый капиталчик»¹². В повседневной суете не забывались и мечты. Помимо любви (представленной для девушки, как нетрудно догадаться, в лице её опекуна), юная особа грезила о собственном домике и земельном участке.

В романе складывался яркий образ женщины из мелкой буржуазии: практичная, работающая, заботливая, экономная и скромная. Эти добродетели регулярно постулировались в правой прессе. Так, зимой 1920 года «Кёльнише Цайтунг», рассуждая на тему хорошей хозяйки, раскритиковала рождественские покупки рабочих: дорогие мыло, шоколад и сигаре-

11 GZ. 1928: 8 Sept.

12 GZ. 1928: 25 Aug.

ты, противопоставив такой расточительности практичность буржуазок, скупавших для подарков, «способные залатать дыры в хозяйстве кухонные и письменные принадлежности»¹³. Буржуазный кодекс утверждал: всякий расход, не приводящий к практической выгоде, является чем-то нелепым.

Однако идеал женщины-мещанки не ограничивался одним хозяйством: она должна была не только внимательно следить за домом, но и помогать супругу. Короче говоря, как выразилась одна советская гражданка, быть для мужа «нянькой, утешительницей, советчиком, секретарём»¹⁴. В определённых случаях эта поддержка требовала интеллектуального багажа. Подобная комбинация очевидна у Реты – в перспективе, разумеется, супруги Берта. Не случайно, при переустройстве замка героиня предусмотрительно устраивает в его кабинете большой книжный шкаф и увлекается чтением литературы о Востоке. Спустя некоторое время девушка уже сама может интересно поведать о далай-ламе, однако о широких академических познаниях речь не идёт. Героиня получает вполне типичное домашнее образование, соответствующее представлениям об образованности девочек в те времена. Рета занимается исключительно языками и музыкой. Для этого каждую неделю ходит в деревню брать уроки французского и английского у жены местного пастора, а также пения и игры на фортепиано. Вскоре учитель музыки — «истинный энтузиаст своего дела» — открывает у неё «прелестное, мягкое меццо-сопрано» и добродетельная фрау начинает петь в местном церковном хоре¹⁵. Но Рета не только первоклассная хозяйка и в меру умная женщина, она —

13 KZ 1920: 8 Jan., Abend-Aus.

14 Фицпатрик. 2008: 193.

15 GZ. 1928: 23 Aug.

настоящая принцесса с «прекрасными серыми глазами», «коралловыми губами» и длинными «золотыми волосами»¹⁶. Природная красота сочетается с чувством стиля: она всегда выглядит элегантно и женственно, умело перешивая старые материнские наряды.

Отметим, что приём подробного описания внешности и туалетов героини, а также окружающего её интерьера, традиционен для популярной романтической прозы всех времён и народов. Как пишет американская исследовательница Дженис Рэдуэй, это необходимо для облегчения идентификации читательниц с главным дамским персонажем.¹⁷ При этом любовные романы, согласно выводу Рэдуэй, утверждают патриархальную систему, иллюстрируя её *позитивные* стороны для женщин.

Названная литература представляет гендерные отношения в общепринятом разрезе — сильный мужчина и слабая женщина, но мужская сила и власть здесь носят трепетный характер. Любовный роман даёт «утопическое обещание», что оказавшись в неизбежном союзе с женщиной, женщина получает от него только хорошее: защиту, заботу, внимание и ласку.¹⁸ Данное заключение, сделанное Рэдуэй в отношении современных лав-стори, актуально и для любовных романов предшествующих эпох, неизменно презентующих прелести патриархальных отношений и женских типов.

Выбор региональной «Графингер Цайтунг» в пользу традиционной любовной прозы был не случаен. Наряду с

16 GZ. 1928: 23 Aug.

17 Рэдуэй. 2004: 254.

18 Дженис Рэдуэй отмечает, что любовный роман даёт «утопическое обещание, что отношения между мужчиной и женщиной могут быть справедливо устроены». В таких романах женщина «сдаётся» своему «победителю», но этот «победитель» не грубый «мужлан», а заботливый и ласковый защитник. Рэдуэй. 2004: 107.

консерватизмом газеты это обуславливалось ориентацией на читателей, живущих в провинции, где преобладал привычный взгляд на социальную роль женщины. Последняя должна была являться замужней дамой, не претендующей на собственную интеллектуальную или политическую позицию, но в тоже время способной разделять интересы мужа, появляться рядом с ним в обществе и, безусловно, вести домашнее хозяйство.

В лучших традициях подобных историй после возвращения Берта между героями вспыхивает любовь. В этом плане интересен ещё один момент произведения касательно небезызвестного принципа «любви все возрасты покорны». Как отмечал Стефан Цвейг, буржуазная мораль поощряла разновозрастные браки¹⁹. Но только при условии мужского старшинства, другого не предполагалось, и любовь, тем более, брак между молодым мужчиной и зрелой женщиной с возмущением отвергались. В фокус произведения данная проблема попадает, когда герой влюбляется в известную актрису — мать Реты — и делает ей предложение, не подозревая о 10-ти летней разнице в возрасте между ними. Артистка отказывает. Свою позицию она аргументирует именно возрастом, заявляя, что испытывает к несостоявшемуся жениху скорее материнские чувства. (Отметим, что на тот момент ей 38, а поклоннику — 28 лет). Ещё красноречивее его реакция:

— Я был поражён, когда она мне сказала, что настолько старше меня. Я не мог в это поверить. Если бы я знал, что у нас такая разница, я бы испытывал к ней совершенно другие чувства. Я бы её почитал, боготворил, но не любил²⁰.

19 Цвейг. 1991: 102.

20 GZ. 1928: 15 Sept.

В данном случае буржуазная мораль отвергает романтические чувства и интимные желания: согласно её канонам, *она* может видеть в *нём* только ребёнка и испытывать заботливо-родственные чувства, *он* — воспринимать *её* в качестве почтенной и уважаемой дамы.

Подобные воззрения, распространённые в провинции, традиционно отступали в столичных городах в сфере богемы. В романе чешской писательницы Марии Пуймановой «Игра с огнём» о жизни Чехии и Германии 1930-х годов, связь между молодым человеком и зрелой актрисой — реальный факт. Сотрудник пражской библиотеки и театральный критик, молодой Станя влюбляется в знаменитую актрису Власту Тихую. Соображения молодости и неопытности одного, зрелости и искущённости другой, не останавливают героев. На первом свидании Станя так горячо обнимает хрупкую артистку, что «даже слепой бы увидел — ни с одной женщиной он ещё не был близок»²¹. Данный роман заканчивается трагично и вполне закономерно: Власта находит новую пассию, а Станя пытается покончить жизнь самоубийством. Однако факт отношений и молчаливого нейтралитета окружающих, в том числе, и матери героя, не ставшей проводить сыну «головомойку», свидетельствовал о многом.

В свою очередь «правильный» роман Реты и Берта ожидаемо заканчивается «звоном свадебных колоколов». Основанием для хэппи-энда, с точки зрения буржуазного кодекса, здесь служит не только подходящий возраст молодожёнов — юная невеста и зрелый жених, но и соблюдение гендерных ролей. Рета — отменная хозяйка, которая не променяет семейный очаг на карьеру. Хотя последнее возможно: девушка

21 Пуйманова. 1976: 375.

поёт и, по мнению Берта, способна стать новой звездой на оперной сцене. Но Рета категорична:

Я провалилась бы под землю от страха и стыда, если бы тысячи чужих глаз смотрели на меня²².

Вместо сцены героиня со всей решительностью выбирает домашний очаг и семейное счастье.

Выйдя замуж, Рета, безусловно, узнает, что семейно-мещанская идиллия в первую очередь предполагала чувство долга и строгое выполнение неких предначертаний. Каких же? Об этом прекрасно поведала напечатанная в той же «Графингер Цайтунг» заметка «Десять заповедей счастливого брака», где на первом месте значились безупречный порядок, ухоженность, внимательность и кулинарные таланты супруги. Первая «заповедь» из этого перечня гласила, что «ты должна быть такой же чистоплотной и аккуратной, как и до свадьбы»²³. Вторая, что «счастье зависит от здоровья, но здоровье невозможно без хорошего пищеварения. Поэтому, заботься о хорошей кухне»²⁴. Третья советовала в выходные не нагружать мужа домашней работой, но предложить ему отдохнуть или отправиться за город. Четвёртая — никогда не шутить над его родственниками, а восьмая при этом — не терять чувства юмора. И только в десятой заповеди говорилось о любви в контексте клятвы перед алтарём. Вывод гласил: «Люби и будь терпелива».

Произведение «Его подопечная» в полной мере отражало подобный подход. Популярность данного романа и аналогичной ему литературы в провинциальной прессе являлась свидетельством консервативности взглядов её читателей и

22 GZ. 1928: 18 Sept.

23 GZ. 1928: 23 Aug.

24 GZ. 1928: 23 Aug.

их «тихих» способов решения имеющихся гендерных проблем.²⁵ В то время как в столичной Германии шествовала мода на «новую женщину», глубинка не признавала произошедших перемен. Тяжело они усваивались и жителями более крупных городов, где всё чаще стал встречаться шокирующий тип «новой» фрау.

Девушки искусственного шёлка

Веймарская литература знает немало художественных произведений о «новых женщинах», среди них изданная в 1932 году книга Ирмагарт Койн «Девушка искусственного шёлка». Молодая писательница, которой на тот момент исполнилось 27 лет, создала полный иронии роман. Его название указывало на вошедшие тогда в моду шёлковые чулки и одновременно на берлинскую улицу, где «шёлковыми» называли «непрофессиональных проститутток»²⁶ — секретарш и продавщиц, вынужденных продаваться.

В центре истории находится 18-летняя Дорис. В первой части романа события разворачиваются в «среднем» — по определению автора — городе, предположительно в Кёльне²⁷, в последующих двух — в немецкой столице. Остановимся на событиях, описывающих жизнь провинции.

Дорис работает секретаршей у местного адвоката и «изодня в день» печатает на машинке. Из-за малообразованно-

25 Если следовать выводам Дженис Рэдуэй, это можно понимать так: если женщину тяготит положение домохозяйки и жены, она может почитать любовный роман, который покажет ей все прелести мужской любви и семейной жизни; ввиду чего после прочтения читательница посмотрит на своего реального избранника и собственное положение другим примиряющим взглядом.

26 **Stempel.** 2007: 52.

27 Данное предположение высказывают многие литературоведы, например, Анна Хагин в своём послесловии к переизданию романа в издательстве «Лист Ташенбух» в 2011 г.

сти печатает неграмотно: без запятых и с орфографическими ошибками. Получает мало — «у старика туго с деньгами» — 120 марок в месяц²⁸, из которых 70 отдаёт безработному отцу, спускающему их в баре. На оставшиеся 50 покупает наряды. Недавние её приобретения: шляпа с пером, которая носится наискосок, что «колоссально модно», и тёмно-зелёное пальто — узкое в талии и с лисой на воротнике. Последнее — подарок от бывшего ухажёра, которой «почти» хотел на ней жениться, но Дорис сказала «нет», и после «лисы» прекратила всякие отношения. Хотя благодаря воротнику заполучила «полный комплект в гардеробе», что с её точки зрения, «крайне важно для девушек, которые хотят чего-то добиться в жизни»²⁹.

В отличие от Реты, Дорис интересуется не домашними делами, а нарядами и развлечениями. Она современна: носит короткие юбки и шёлковые чулки; делает модный перманент на подстриженных волосах; регулярно просматривает иллюстрированные журналы. Наиболее известные из них — «Дама», «Зеркало моды», «Практичная берлинка». В результате Дорис знает не только модные новинки, но и всю рекламу:

Эти конфеты подарок от Армина,— размышляла она. — Как же я ненавижу его имя — в журнале его используют для рекламы слабительного. И теперь, когда он встаёт из-за стола, мне всегда хочется сказать: «Армин, ты сегодня принял „Лаксин“?»³⁰.

Как и многим «новым женщинам», Дорис нравятся ночные дансинги и популярные танцы: танго, шимми, уанстеп.

28 Заработная плата женщин-служащих в Веймарской Германии (после 1923 г.) составляла в среднем от 129 до 146 марок в месяц при прожиточном минимуме в 100 марок.

29 Keun. 2011: 11.

30 Keun. 2011: 15.

Она признаётся, что с наступлением сумерек у неё «начинается зуд». По её убеждению, ночь должна проходить с музыкой и танцами до полного изнеможения.

О повальном увлечении молодых сотрудниц немецких бюро и универмагов популярными танцами свидетельствовали многие современники. Публицист Зигфрид Кракауэр, вспоминая в 1932 году, как одна из секретарш, протянув к нему ноги, заявила: «Посмотрите на мои туфли, я станцевала всю пару за месяц»³¹. В этом отношении Дорис — страстная поклонница увеселительных заведений — не отставала от остальных модных женщин, но явно расходилась с устаревшими предпочтениями Реты, отдаваемым званым чаепитиям и приходским вечерам.

Однако в первую очередь «новую» фразу отличали отношения с противоположным полом. Приватный вопрос — один из ключевых моментов «Девушки...». Как представительница «новых женщин» Дорис иначе смотрела на взаимоотношения с мужчинами, чем прежние поколения или традиционно настроенные сверстницы. Никакой восторженной сентиментальности Реты — «сияющие глаза» и «вскружённая голова» — у «шёлковой девушки» не наблюдалось. «Новая женщина» сводилась к современной формуле: без нервов и истерии. Для Дорис свободная любовь и извлечение из неё выгод — естественное явление:

— Сейчас я сижу с 80 маркам без каких-либо перспектив на улучшение положения, и спрашиваю себя, где же тот мужчина, который спасёт меня в этой чрезвычайной ситуации³².

В отличие от Реты, Дорис не интересовали «старомодные» мечты об уютном домике и семейном счастье. Напро-

31 Krakauer. 1959: 3.

32 Keun. 2011: 28.

тив, к своей замужней коллеге она относилась с явной жалостью, как к несчастной, которой «ввиду её семейного положения уже не светят никакие подарки судьбы»³³.

Однако новые подходы часто наталкивались на патриархальные воззрения, что со всей силой обнаружилось с первой любовью героини. Отношения с противоположным полом у Дорис начались с 16 лет. Её избранником оказался «очень застенчивый, несмотря на почти двадцатилетний возраст», студент по имени Губерт. Они встречались на протяжении года, но отношения потерпели фиаско из-за неумолимых требований мещанской морали. «Краснеющий и смущённый» Губерт объяснил ей: когда мужчина женится, он выбирает себе невинную женщину. И после долгой паузы, масляным голосом — «будто проглотил банку крема “Нивея”» — посоветовал не проводить ни с кем ночь, «пока тебе не предложили руку и сердце»³⁴.

Однако для героини «старая мораль» выступала исключительно прикрытием собственной корысти. Весьма ловко она использовала её с очередным ухажёром. Заметив на его руке часы дорогой марки, девушка решила «не сдаваться, как минимум три вечера»³⁵. В итоге, отправляясь на первое свидание в ресторан, Дорис предусмотрительно застегнула свой бюстгальтер на семь ржавых булавок:

Я была дико пьяна, — вспоминала она, — но булавки не подвели. Артур начал приставать. А я только: «Месяе, что вы собственно обо мне думаете? Я прошу прощения, но за кого вы меня принимаете?»³⁶.

33 Keun. 2011: 18.

34 Keun. 2011: 21.

35 Keun. 2011: 12.

36 Keun. 2011: 12

Поклонник, по её словам, сначала, сильно разозлился, но потом заявил, что ему «нравятся девушки, которые будучи навеселе, держат себя в руках». «Он оценил мою высокую мораль»³⁷, резюмировала героиня. В итоге Дорис добилась желаемого. Перед дверью дома кавалер поцеловал ей руку, а она со вздохом заметила, что не знает который час: её часики давно сломаны. На следующий вечер Артур преподнёс Дорис маленькие золотые часы.

В образе Дорис ярко воплощался тип так называемой «новой женщины», где независимость часто воспринималась как модный вид и обилие кавалеров. Жизнь «новой женщины» была немыслима без многочисленных любовников. В первой части повествования у Дорис таковых не менее десяти. Расставания с ними обходились коротко без всяких драм. Как писал в 1927 году популярный немецкий журнал «Дама»:

Современный мужчина больше не считает, что он должен быть единственным в её жизни. Этот маскулинный эгоизм прошлого преодолён³⁸.

Но именно при помощи противоположного пола Дорис собиралась добиться карьерных высот. О том, чтобы сделать это самостоятельно, она не помышляла: образование, книги, профессиональные достижения её не интересовали. Она обладала скудными знаниями и самоуверенными манерами. «Шёлковая девушка» полагала, что сможет удивить Эйнштейна — его фотографию она видела в журналах — заявлением: вода это H₂O. Последнее она узнала от Губерта. Впечатление о скудности знаний веймарских секретарш подтверждалось многими свидетельствами. Так, Кракауэр однажды убеждал юную офисную даму, что в Испанию из Гер-

37 Keun. 2011: 12

38 Цит.по: Kessemeier. 2000: 81.

мании можно доехать на поезде. Ему не поверили, заявив, что по суше туда добраться невозможно³⁹.

Многие «новые женщины» — дочери рабочих и служащих — не получили в Веймаре хорошего образования. Большинство из них отправлялись на работу прямо со школьной скамьи. В высшую школу в основном поступали девушки из состоятельных буржуазных семей, но и это была редкость. Таким образом, типаж «новой женщины» превращался в половинчатый образ, не вполне соответствующий тому, о чём мечтали первые женские организации, борющиеся за эмансипацию. Только в области потребления немецкая женщина была «новой», во всём остальном она казалась «старой» — без высшего образования, квалифицированной работы, научных и общественно-политических интересов. Речь шла не о «новой женщине-гражданке», а «просто» о «новой женщине»⁴⁰. Посему пионеры женского движения, достигшие к этому времени почтенного возраста, критиковали молодёжь. Однако то, что пожилые феминистки воспринимали как половинчатость, для большинства консервативно настроенных немцев являлось перебором.

В первую очередь это касалась внешнего вида «новых» фрау. Прежняя мода на пышные формы и длинные платья, подчёркивавшая солидность и домовитость женщин, ушла в прошлое. «Появление» ног, свободных платьев и худобы указывало на смену ориентиров: вместо кухни и детской — активная жизнь вне дома. Визуальный «отказ от взросления» — мальчишеская фигура, платья рубашечного покроя и короткие причёски — становился ярким символом социальной революции, выраженной в неприятии «новыми женщинами»

39 Krakauer. 1956: 3-4.

40 Schüler. 2008.

опыта прежних поколений. Это был протестный тело–текст, закреплявший новую женскую идентичность, освобождённую от обязательного выполнения своей природной функции — деторождения и привычного домоседства. Подобные сигналы болезненно воспринимались консервативными гражданами, которые обвиняли «новых» немок в легкомыслии, бесхозяйственности и недостойном поведении.

Так, отправляющуюся без присмотра на танцы девушку, сразу относили к вульгарным девицам. Отказ от подъяюбников, целомудренная белая полоса которых непременно должна была выглядывать из–под платья, автоматически причислял «новых женщин» к особам лёгкого поведения⁴¹. Частая смена туфель и платьев на модные фасоны вызывала упреки в расточительстве⁴². Женская же занятость, например, критиковалась из-за отсутствия времени на готовку: вместо хорошо прожаренного бифштекса работающая «дамочка» могла приготовить только скудный обед из суповых костей⁴³. Более резкие голоса заявляли, что современные модницы — это «ни мужчины, ни женщины», нередко характеризуя «новых» дам как «девок», которые не хотят становиться матерями. В результате страх перед новациями породил такую защитную реакцию, как спрос на романы в духе «Его подопечной», страницы которых позволяли найти опору в мире литературы и уравновесить новые устрашаю-

41 РГАЛИ. 2575: 5.

42 Использование косметики и ношение модных нарядов (ставших доступными благодаря простому крою и небольшому расходу материи), который массово презентовали «новые женщины» во многом было достижением. Например, ещё в XIX столетии «сложные» женские туалеты из множества юбок, а также ванна, а, следовательно, и ухоженный вид, были доступны лишь дамам из состоятельных кругов.

43 Wieth–Knudsen. 1927: 218.

щие устремления старыми образцами нежных домашних женщин.

Итак, заботы о внешности, ночные развлечения и «некая прелестная глуповатость» — отличительные черты «новых женщин». Ещё один штрих к их портрету — грандиозные планы на будущее: «новые» фрау повсеместно мечтали о популярности. В частности, Дорис интересовалась исключительно блестящей и лёгкой карьерой.

Я хочу стать звездой, — заявляла она и далее поясняла. — С белым автомобилем, ванной и вся пахнущая духами⁴⁴.

1920-е годы — время расцвета массовой культуры и, прежде всего, кино, где блистали такие звёзды как Рудольф Валентино или Коллин Мур. Их деятельность, ровно, как и всевозможные слухи о ней, играла огромную роль в жизни обыкновенных зрительниц. Миллионы молодых немок — секретарш, продавщиц, стенографисток, телефонисток — стремились походить на своих кумиров и мечтали о звёздной карьере. Последняя, стараниями Голливуда, неразрывно связывалась с изысканными нарядами и шикарными машинами. «Империя грёз» внушала, что взлететь на голливудский олимп может каждый. Секс-символ того времени, актёр немного кино Рудольф Валентино начинал свой путь с уличного торговца и мойщика посуды.

Не удивительно, что после увольнения из адвокатской конторы, Дорис оказалась на театральных подмостках. Но здесь её первым делом интересовали не профессиональные достижения, а авторитет среди массовки. Чтобы добиться его, Дорис выдумала легенду о любовной связи с директором театра. В творческой сфере «шёлковая девушка» также не

44 Keun. 2011: 45.

ограничивала себя идеалами честности. Во время прогона нового спектакля она умышленно заперла одну из артисток в уборной. «Пленница», естественно, не вышла на сцену и тогда вместо неё выступила Дорис. Первый шаг к олимпу был сделан: маленькую роль в новой постановке закрепили за «шёлковой девушкой». Однако начавшаяся карьера вынуждена была вскоре прерваться. Надвигающийся скандал из-за обмана про директора и кража из театральной гардеробной чужой шубы — «такой очаровательной, что я сразу в неё влюбилась»⁴⁵ — привели Дорис к мысли о бегстве. И «блестящая девушка» в духе времени отправилась покорять Берлин. Именно туда стекались «новые женщины» из провинции в надежде обрести всемирную славу артистки, танцовщицы или манекенщицы.

Произведения «Его подопечная» и «Девушка...» со всей очевидностью свидетельствовали, что становление «новой» фfrau в немецкой провинции столкнулось с проблемами, в основании которых лежали противоречия между патриархальными и современными взглядами. Обе героини — молодые и незамужние провинциалки — являли разные типы. Рета олицетворяла классическую домохозяйку, ставящую во главу угла буржуазные святыни: семью, брак и скромный образ жизни. Дорис воплощала современную фfrau: модную и далёкую от семейных обязательств. Как и у большинства «новых» немки её эмансипация заключалась не в достижении образования, высококвалифицированной работы и иной реализации вне дома, а в возможности носить короткие юбки и вступать в свободные любовные связи.

Как видно, женская эмансипация 1920-х годов проходила не столько в гражданско-политической и трудовой сфе-

45 Keun. 2011: 64.

рах, сколько в приватной области, что послужило основанием для гиперкритического отношения к ней со стороны современных исследователей. В настоящее время в западной литературе этот процесс характеризуется как «неполный», а сами «новые женщины» нередко как карикатура на эмансипацию: раскрепощение дам в республике оценивается не столько в связи с его позитивными нововведениями в сравнении с предшествующими эпохами, сколько с его неспособностью установить полное равенство полов.

Тем не менее, как представляется, именно этот «поверхностный» импульс стал отправной точкой дальнейшего развития эмансипации в последующие десятилетия. «Новые» фрау утвердили за женщинами полноценную сексуальность в противовес прежним представлениям о том, что «существо женского пола не может иметь никаких телесных желаний» до и вне брака⁴⁶. Внеся коррективы в сексуальную мораль, аполитичные модницы сделали первый шаг в направлении подлинного равенства полов, став ключевым этапом формирования идентичности современной женщины.

46 Цвейг. 1991: 99.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

РГАЛИ. 2575 — РГАЛИ. Ф.2575. Оп.1. Никитин Н.Н. Записки о Западе. Глазами варвара.

Пуйманова. 1976 — Пуйманова М. Игра с огнём. // Люди на перепутье. Игра с огнём. Жизнь против смерти. М.: Художественная литература, 1976.

Цвейг. 1991 — Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Радуга, 1991.

GZ. 1928 — Grafinger Zeitung 1928.

KZ. 1920. — Kölnische Zeitung. 1920.

Keun. 2011 — Keun I. Das kunstseidene Mädchen. Berlin: List Taschenbuch, 2011.

Krakauer. 1959 — Krakauer S. Die Angestellten. Eine Schrift vom Ende der Weimarer Republik. Bonn: Suhrkamp Taschenbuch, 1959.

Wieth-Knudsen. 1927 — Wieth-Knudsen K.A. Kulturgeschichte der europäischen Frauenwelt. Stuttgart: Franckh'scheVerlagshandlung, 1927.

ЛИТЕРАТУРА

Виллар. 1958 — Виллар Ж. и К. Формирование французской нации. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Лебина. 2017 — Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР — Оттепель. М.: НЛО, 2017

Рэдуэй. 2004. — Рэдуэй Д. Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Фицпатрик. 2008 — Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.

Büttner. 2010 — Büttner U. Weimar. Die überforderte Republik 1918–1933. Bonn: Karl Dietz Verlag, 2010.

Kessemeier. 2000 — Kessemeier G. Sportlich, sachlich, männlich. Das Bild der „Neuen Frau“ in den zwanziger Jahren. Zur Konstruktion ge-

schlechtsspezifischer Körperbilder in der Mode der Jahre 1920 bis 1929. Dortmund: Ebersbach, 2000.

Metzler, Schumann. 2016 — Metzler G., Schumann D. Unübersichtlichkeit und Machtverschiebungen. Perspektiven der Geschlechter- und Politikgeschichte der Weimarer Republik. // Geschlechter(un)ordnung und Politik in der Weimarer Republik. / Hg. von Metzler G., Schumann D. Bonn: Verlag J.H.W. Dietz, 2016. S. 7–30.

Stempel. 2007 — Stempel J. Berliner bei Nacht: Morgen früh ist Weltuntergang. // GEO Epoche. 2007. № 27. S. 44–53.

Schüler. 2008 — Schüler A. Bubikopf und kurze Röcke. 2008. Dossier „Frauenbewegung“ von Bundeszentrale für politische Bildung: <http://www.bpb.de/gesellschaft/gender/frauenbewegung/> (8.04.2019)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

GZ — Grafinger Zeitung

KZ — Kölnische Zeitung